

Татьяна Маркинова

История Ванюшки

Ванюшка проснулся раньше всех. В избе было холодно. На печи спали его большая мать и младшие братья. Мальчик неохотно выбрался из-под старого тулупа, который остался ещё от отца, и посмотрел в мутное окно. На улице начинало светать.

В животе заурчало. Ванюшка вспомнил, что не ел уже два дня. Да и братья его с матерью тоже. — Ты уже проснулся? — раздался с печи тихий голос матери.

— Да, пойду к председателю. Попрошу у него работу. А вы спите. Нечего на улице делать. Сыро там, — шёпотом, но строго, совсем по-взрослому, произнёс Ванюшка.

На самом деле мальчику было двенадцать лет, но выглядел он как восьмилетний. Маленький и худенький. С тоненькой шеей, на которой виднелись синие венки. Его редкие русые волосёнки торчали в разные стороны. Сразу было понятно, что гребень их уже давно не касался. Но мальчик не обращал внимания на такие мелочи. Впрочем, не до внешности было парнишке. Мучила его одна горестная мысль: нужно было найти работу, ведь он в семье теперь главный и должен позаботиться о матери и младших ребятишках.

Обмотав ноги серыми портянками, обувшись в уже изрядно поношенные сапоги и надев дырявую, когда-то отцовскую, фуфайку, мальчишка прихватил с лавки большой картуз с поломанным козырьком и, чуть скрипнув дверью, вышел в сени. В сенях пахло гнилыми досками и сухим укропом, что висел у дверей, напоминая о наступающем лете.

Задержавшись на крылечке, Ванюшка осмотрел своё хозяйство. Упрясла всё ещё местами лежали комья грязного снега, а рядом с ними — кучи прошлой годней картофельной ботвы. Через несколько дней уже надо будет браться за уборку — сжигать мусор и копать огород.

Думая о том, где взять картошку на посадку, под звуки чавкающей под ногами грязи мальчик шёл по деревенской дороге к председателю с надеждой, что тот ему поможет — даст работу, а значит, и хлебный паёк, которого Ванюшка не видел уже довольно давно. Как они выживали всё это время после закрытия завода, он и сам не знал.

Когда началась война, отец его добровольцем ушёл на фронт. Спустя два года он погиб. Ванюшка и вся

его семья очень скорбела о потере кормильца и всеми силами старалась выжить в тех суровых условиях.

Ещё в начале войны возле деревни, где жил Ванюшка, поставили завод, который привезли сюда, в тыл, издалека. Здесь местные жители день и ночь мастерили снаряды. Мать и Ванюшка, которому на тот момент было всего восемь лет, работали там же. Они вставали к станку с рассветом и ворочали тяжёлые металлические снаряды, зарабатывая себе и маленьким Сашке и Мишке на хлеб. Да, было трудно, еды не хватало. От голода Ванюшка всё время чувствовал слабость. Он быстро уставал, но, понимая, что, кроме него, больше некому, собирал свои силёнки в кулачок и работал наравне со взрослыми и другими детьми. На последних и держался завод. Именно мальчишки и девчонки, чтобы выполнить норму по изготовлению боеприпасов, стояли у станков дни и ночи напролёт.

Бывало даже такое, что взрослые, не выдержав непосильной нагрузки, сбегали со смены, но Ванюшка не смел. Да, он был самым маленьким — остальные дети были старше десяти лет, — но едва ли не самым ответственным и серьёзным.

Частенько во время смен маленькие работники падали в обморок от изнеможения, а случалось, что и умирали. Каждый раз в такие моменты у Ванюшки сжималось сердце. Он тоже боялся, что не выдержит тяжёлого графика, но мысли о младших братьях, об отце, который погиб на фронте, придавали ему сил. А ещё сил придавали надежда и вера, что когда-нибудь наступит мир и он сможет пойти в школу.

Четыре года проработал на заводе мальчонка, помогал семье как мог, как умел. Иногда, когда его смена заканчивалась, он вставал у станка вместо матери, чтобы та хоть немного могла побыть дома, Сашке с Мишкой рубашонки постирать. Помогал фронту, надеясь всем сердцем, что своим трудом он приближает победу, что он тоже внес свой пусть и небольшой, но вклад в борьбу с врагом.

И вот наступил День Победы. Все были счастливы. Ура! Наконец можно перевести дух, отдохнуть от каторжного труда и сбросить оковы постоянного страха. Пришла пора начать налаживать быт, свою жизнь. Так думали люди. Но не тут-то было. Война закончилась, однако кругом

царила разруха, голодали по-прежнему, потому что работы не стало. С окончанием войны завод по сборке снарядов закрыли, а оборудование увезли в другой далёкий город.

Мать Ванюшки, оставшись без хлебного пайка и не зная, где его заработать, помыкалась, помыкалась и слегла. Вот уже несколько недель спускалась с печи только раз в день, чтобы сходить по нужде. Теперь она постоянно лежала под старым грязным тряпьем, время от времени приподнимая голову, чтобы посмотреть на ребятишек.

Горько было Ванюшке глядеть на мать, которая всю войну работала наравне с мужиками и ни разу не охнула, не пожаловалась на суровую жизнь. Тянула семью как могла, отдавая свой паёк детям. Себе оставляла лишь крохи, чтобы были силы проснуться на следующее утро и снова пойти на работу. Ванюшка вспоминал, какая мать была до войны: весёлая, красивая, улыбчивая, — а сейчас почти седая, худенькая, сторбленная. Если бы сегодня её увидел муж, которого она пять лет назад провожала на войну, он бы свою любимую не узнал — настолько она изменилась, состарилась не только внешне, но и внутренне.

Ванюшка шёл по деревне, вспоминал свою работу на заводе и думал, что хоть она и была не из лёгких, но зато постоянная. Младшим братьям всё же доставался хлебушек, пусть и по чуть-чуть, а теперь он не уверен, сможет ли хоть что-то заработать, чтобы накормить мать и братьев. Он шёл по широкой улице и прислушивался к далёкому гулу проезжающего поезда. Эх, услышать бы крики петухов! До войны в каждом дворе был свой петух. Сейчас на всю округу не осталось ни одного. Последний, у соседей Ванюшки, зимой издох от голода.

Деревня, в которой жил мальчик с семьёй, была небольшой — всего-то в две улицы, но очень длинных. Находилась она в семи километрах от города Н., что было очень удобно. Именно из-за железной дороги и близости к городу завод сюда и эвакуировали. Правда, сейчас от него не осталось и следа.

Думая о родных, которые ждут его с добрыми новостями, мальчик дошёл до раскомандировки, куда каждое утро забегал председатель, чтобы распределить обязанности среди работников. Впрочем, обязанности особо не менялись, но всё равно так уже привыкли, и поэтому так нужно было делать.

То же самое было и этим утром. Стоило только Ванюшке дойти до покосившейся, старенькой, с маленькими окошками мазанки, как из-за угла вывернул сам председатель Николай Лукич. Пожилой уже человек, но всё ещё в силе. Громким голосом он поприветствовал всех присутствующих, глянул и на мальчика. Видимо, понял, зачем тот явился.

К председателю подошёл бригадир, сухой столетний дедушка, который по совместительству

работал и конюхом, и сторожем, и бог ещё знает кем. Работы выполнял много, как и все другие работники. Давно он уже собирался на отдых, да всё никак не получалось. Дела передать свои было некому. Вот скоро мужики с войны начнут возвращаться, тогда-то он и отдохнёт.

Ванюшка терпеливо стоял в сторонке. Наблюдал за разговором взрослых. Дав распоряжения, председатель наконец-то подошёл и к нему.

— Чего ты здесь в такую рань? — спросил он мальчика.

— Знаете ведь зачем, — просительно взглянул в глаза председателю малец.

— Говори. Не тяни время, — нахмурился Николай Лукич.

— Работа мне нужна. Мамка и ребятишки уж какой день не знамо чем живут. В доме шаром покати, — грустно ответил мальчуган.

— Нету для тебя подходящей работы. Мал ты ещё, — отвёл взгляд в сторону председатель.

— Как это мал? Как это мал? — дрожащим голосом быстро заговорил Ванюшка. — В войну на заводе по четырнадцать, а то и шестнадцать часов работал — мал не был, а тут мал? Как же так?

— Война закончилась. О школе надо думать. Пусть теперь другие работают. Хватит детям горбушки ломать, — продолжая смотреть вдаль, ответил Николай Лукич.

— А как же мне сейчас жить? Чем кормить семью? Отец-то у меня погиб. Я за него остался, — чуть не плача, лепетал Ванюшка.

В глазах мальчишки потемнело, сердце сжалось от несправедливой обиды. Сколько лет он на заводе трудился, мастером почти стал, а тут оказался никому не нужен! Даже председатель, зная его заботы, отказался ему помочь.

— Извини, брат. Ну нету у меня для тебя работы. Нету, — отрезал Николай Лукич и стремительно зашагал к сельсовету, где уже начали собираться бабки, все с какими-то просьбами: у кого дрова закончились, у кого печь развалилась. У всех были свои проблемы, которые нужно было решать.

Постояв немного и проводив грустным взглядом сугубую фигуру Николая Лукича, мальчик вытер выступившие слёзы. Он сделал шаг и чуть не упал от усилившейся дрожи в ногах не то от голода, не то от собственного бессилия. В этот момент он почувствовал себя таким маленьким, слабым и беспомощным, что ему захотелось просто рухнуть на мёрзлую землю и больше не вставать. Казалось, душа вот-вот покинет его уставшее тело и наконец-то настанет облегчение, свобода, о которой он уже и думать забыл.

Сколько пережил двенадцатилетний мальчуган за это непростое время, сколько передумал, понимая свою ответственность перед родными, осознавая, что их жизни зависят теперь от него,

известно только одному Богу. А теперь вот с работой — не ладилось...

Ванюшка сглотнул ком в горле. Он понял, что ничего другого ему больше не оставалось, как попытаться счастья в городе. Шансов найти хоть что-то тоже было мало, потому что деревенские ребята постарше уже отправились туда на заработки, к тому же и своих городских безработных хватало. Но что ему было делать?

Мальчишка поправил свой неказистый картуз и зашагал по обочине дороги в сторону города. Благо он находился не так уж далеко. Напрямки, через лесок, было ещё ближе. Одна беда: прошёл слух, что местные видели в том лесочке пару тощих волков, которые запросто могли загрызть человека, тем более безоружного. Подумав немного и пересилив страх перед хищниками, мальчик всё же решил идти короткой дорогой.

Погрузившись в свои безрадостные мысли, Ванюшка не заметил, как добрался до города. Не раздумывая, он сразу направился к рынку, где, как ему казалось, вероятность заработать на корку хлеба была немного выше. Он не мечтал найти постоянную работу, но в его душе теплилась надежда, что какой-нибудь добрый человек сжалится над ним и даст возможность получить хоть пару медяков. — Дяденька, дяденька, нет ли у вас для меня работы? Я всё могу, — обратился Ванюшка к первому встречному.

— Иди отсюда. Не болтайся под ногами, — цыкнул на него беззубый дядька с редкой рыжей щетиной. — Тётенька, давайте я помогу вам корзины донести, — предложил мальчик помощь толстой рябой тётке, которая, пыхтя, тащила две корзины белья. Видимо, направлялась к прачке.

— Сама я ещё в силах. Донесу, — взглядом оттолкнула его тётка, продолжая бубнить себе под нос: — Развелось воря. Глаз да глаз нужен. О-хо-хо. Так и средь бела дня обворуют. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь.

Увидев вдалеке милиционера, Ванюшка кинулся было к нему, чтобы попросить работы, но потом остановился, задумавшись: тот скорее не работу ему даст, а велит возвращаться в деревню. А как он домой вернётся? С чем? Там ведь мать и Сашка с Мишкой его ждут. Наверное, все глаза проглядели в окошко. Думают, что он вот-вот придёт и еду принесёт.

Полдня мальчишка по рынку крутился. Работы и здесь для него не было. Отправился он тогда бродить по городу. Заходил в каждый двор, спрашивая, не нужна ли кому рабочая сила. Но люди, узнав, что в качестве рабочей силы мальчик предлагает себя, шарахались от него в сторону. Не верили они, что такой худенький, маленький, с тёмными кругами под глазами и трясущимися руками человек может выполнять какую-то работу. Уж больно

хрупкий. Казалось, он на ногах-то еле стоит, какой уж из него работник!

— Сколько лет-то тебе, мужичок? — спросил его седовласый старик, когда Ванюшка обратился к нему с предложением выполнить любую работу. Пусть не за деньги. Пусть за еду. Ему всё сойдёт. — Двенадцать мне в этом году, по зиме, исполнилось, — вытянулся мальчик, чтобы выглядеть повыше.

— Шутишь ты, однако. Не дашь тебе столько, — недоверчиво покачал головой старичок.

— Не до шуток мне, дедушка, — грустно вздохнул Ванюшка. — Правда, мне двенадцать лет. Просто я раньше на заводе работал. Слышали ведь, наверно, стоял тут у нас во время войны? Работал я так много, что расти забывал. Каким был до войны, таким и остался.

— Ну, ничего. Скоро всё на лад пойдёт. Подрастёшь ещё.

Выслушав его ответ, старичок было пошёл дальше, но вдруг остановился, порылся в своей полупустой сумке, достал оттуда маленький, чёрствый, как камень, пряник и подал его Ванюшке. — Не нужно. Что вы? Я могу заработать, — испугался тот.

— Бери, пока дают, — улыбнулся дед и сунул мальцу пряник за пазуху.

Не удержался Ванюшка, прижался к старичку. Хотел поцеловать его сухонькую руку, да тот его остановил. Чуть приобнял и отправился по своим делам.

Ух, как обрадовался мальчик прянику! Крепко зажал его одной рукой под фуфайкой, как самое драгоценное сокровище. Заметив, что день клонится к вечеру и пора возвращаться в деревню, Ванюшка побежал домой.

Дома его уже заждались. Сашка и Мишка, в грязных сереньких пальтишках и вязаных шапочках, как два оловянных солдатика, стояли возле калитки и, вытянув шеи, смотрели в разные стороны, не зная, откуда появится их старший брат. Когда же увидели его, спешащего по дороге, побежали навстречу, запищали от радости, захлопали в ладоши.

— Что ты принёс нам, братка? — заговорили они наперебой, заглядывая в глаза Ванюшке.

— Пряник я вам несу. Вкусный-превкусный, — зажмурился в предвкушении сладкого Ванюшка. — Пошли домой. Мамка сейчас на всех разделит.

Мать, услышав, что старший сын вернулся, да ещё и пряник принёс, спустилась с печи. Достала ржавую тёрку и натёрла на ней пряник. Крошки разделила на четыре части. Себе положила меньше всех. Сыновьям побольше.

Сашка и Мишка между тем возле стола крутились. Ждали, когда же мать выдаст им свои доли. Но мать детям крошки по чашкам сыпать

не стала. По очереди каждому и себе ложкой под язык крошки сыпала и попросила ребятню их сразу не глотать, а сосать помаленьку. Так они успеют насладиться вкусом, да и перебить голод, который мучил их уже пару дней.

— Работу нашёл? — тихим виноватым голосом обратилась мать к старшему сыну.

— Пока ещё нет, но я обязательно найду, — как можно убедительнее ответил Ванюшка, хотя и знал, что сделать это будет трудно, а точнее, почти невозможно.

Судя по сегодняшнему дню, даже в городе работы ему не видать. Но он не мог огорчать своих мрамчными новостями. Пусть они порадуются прянику, глядишь, и поспят спокойно.

Завтра наступит новый день, и кто знает, что он принесёт с собой?

Два дня подряд Ванюшка ходил в город, но всё безуспешно. Работа для него не находилась. Ребята постарше и крепче устраивались грузчиками, а его никто не брал. Не верили люди, что он сможет унести мешок. Выглядел он уж слишком хилым.

Домой мальчишка возвращался поздно, когда малые уже спали. Утром — уходил пораньше, пока они ещё спали. Из еды принести ничего не удавалось. А как смотреть братишкам в глаза, если пришёл с пустыми руками, Ванюшка не знал, поэтому-то и предпочитал приходить и уходить затемно.

На третий день мальчик уже было подумал начать попрошайничать. Стыдно было до ужаса, но ничего другого в голову не лезло.

Простояв с утра до обеда с протянутой рукой на рынке, он понял, что и здесь ему ничего не светит, — народ проходил мимо, будто он был человек-невидимка. Закручинился Ванюшка и побрёл по улицам города, боясь поднять голову, потому что в глазах его стояли слёзы. Мальчик принялся слоняться среди полуразрушенных домов уже не в поисках работы, а просто лишь бы не стоять на месте. Думал, может, опять того доброго старичка, что дал ему пряник, встретит. Но нет. Знакомых у него на улицах города не было. Даже улыбающихся людей не попадалось.

Вот вроде война кончилась, а люди по-прежнему хмурились и грустили. Каждый бежал по своим делам, никого вокруг не замечая, не интересуясь ничьими печальями. Казалось бы, одна беда на всех, столько всего пройдено, люди должны сплотиться, спереживать друг другу, но нет — все сосредоточились только на своих заботах и хлопотах.

Проходя мимо булочной, Ванюшка замедлил шаг. Его привлёк запах свежее испечённого хлеба. У него аж голова закружилась от голода, и немного затошило. Мальчишка остановился и заглянул в магазинчик. Народ толпился возле лотков с чёрным

хлебом. Денег у Ванюшки не было, но аромат съестного так и манил, уговаривал зайти и хотя бы подышать чем-то съедобным.

Народ по-прежнему галдел и толкался, не обращая внимания на худенького оборвыша, который жадно сглатывал слюну и глядел то в лица людей, то на лотки с хлебом. В какой-то момент рука его сама потянулась к чёрному хлебу. Ванюшка почувствовал, как затряслись его поджилки. «Вдруг кто-нибудь увидит?» — крутилась в голове страшная мысль. Ведь если такое случится, ему несдобровать. Но всё обошлось, и спустя мгновение булка уже лежала у него за пазухой. Малец, каждую секунду ожидая, что его вот-вот схватят за шиворот, не оглядываясь, вышел из булочной.

Убедившись, что никто в его сторону даже не смотрит, Ванюшка поплёлся вдоль высокой изгороди, доверившись своим ногам, которые несли его куда глаза глядят.

Вскоре он оказался в заброшенном парке, попросим бурьяном. Сквозь сухую прошлогоднюю полынь и морковник виднелись разломанные деревянные скамейки. На голых ветках деревьев прыгали, громко чирикавая, серые воробьи. Никому, даже этим воробьям, не было дела до несчастного голодного деревенского мальчишки.

Ванюшке было необходимо найти укромное местечко, чтобы перевести дух и подумать, что делать дальше. Мысль, что он совершил преступление, не давала ему покоя. Наконец он нашёл более или менее уцелевшую скамейку, сел на неё, достал буханку и положил рядом. Даже чуть её от себя отодвинул, как будто передумал брать хлеб домой. Его захлёстывал глущий стыд. Он вор. Вор! Как он мог на такое решиться? Мальчик спрашивал себя и не мог понять, что с ним произошло.

Он, всю войну честно проработавший на заводе, вдруг в один миг превратился в преступника. Как теперь возвращаться к матери и ребятнишкам? Взять хлеб, а матери соврать, что заработал? А дальше? Как жить дальше? Завтра опять воровать? Как же это ужасно и неправильно! А что оставалось делать? Работы не было, он умирал от голода, дома умирали от голода мать и двое младших братьев. Ради них он готов был на всё.

Долго сидел Ванюшка, размышляя о своей горькой доле, о будущем своей семьи, и не заметил, как к нему подсел немолодой мужчина. На нём было серое, уже не новое пальто и кепка. В руках он держал чёрную толстую папку с бумагами.

Внимательно рассматривая мальчугана, который скукожился в ветхой фуфаячке так, будто у него что-то сильно болело, мужчина осторожно задал ему вопрос:

— У тебя всё в порядке?

Мальчик вздрогнул и уставился на прохожего глазами, полными слёз. Мужчина, видя, что тот не понял вопроса, повторил его.

— Не особо-то, — потупился малец.

— Я могу помочь? — вновь спросил его мужчина.

— Не можете, — всхлипнул Ванюшка, но, подумав, попросил, повеселев: — А купите у меня эту булку?

Мужчина удивлённо посмотрел на мальчика, а потом на хлеб, что лежал между ними.

Ванюшка следил за его взглядом. Заметив недоумение в глазах незнакомца, мальчик махнул рукой:

— Не надо. Пусть... Ничего не надо.

— Расскажи, что у тебя случилось? — наклонился к нему мужчина. — Откуда ты? Где твои родители?

Ванюшка отвернулся. Минут пять эти двое сидели молча. Один ждал, а другой думал о том, рассказать или нет о своём проступке.

В конце концов, решившись, мальчик повернулся к незнакомцу и заговорил. Он рассказал, как в войну работал на заводе, а когда война кончилась, остался без дела, без пропитания, без надежды найти место, а дома его ждут больная мать и братья, которые вот уже третий день ничего не ели.

Он указал на хлеб и сказал:

— А это мой сегодняшний грех, который мне нести всю оставшуюся жизнь. Украл я его, украл.

После этих слов Ванюшка больше не мог сдерживать слёз. Рыдания, копившиеся в нём уже долгое время, вырвались наружу. Мужчина переложил хлеб на другую сторону скамейки и придвинулся к мальчугану поближе. Он по-отечески обнял его, прижав к себе худенькое тельце мальчика.

Малец не пытался освободиться. Даже наоборот, по сильнее воткнулся под мышку незнакомцу, пропитывая своими слезами драп серого пальто.

Слушая историю Ванюшки, мужчина ощутил, как в горле застрял комок, который мешал ему дышать. Сколько он прошёл за всю войну, сколько повидал, где только не был, сколько раз душа его разрывалась от страданий и жалости к раненым, умирающим бойцам, но всё равно того, что он чувствовал сейчас, никогда раньше не испытывал! Перед ним сидел пусть маленький, но настоящий мужчина, который взвалил на свои хрупкие плечи непосильную ношу. Взвалил и нёс её всё это время достойно.

Как же так получилось, что после войны он и его семья оказались никому не нужными? Разве так поступает со своими героями русский народ? Такой великий, могучий и благородный? Нет.

Значит, он должен исправить это недоразумение и вернуть смелому мальчугану веру в людей. Воскресить в его сердце радость, счастье — те чувства, о которых он, к сожалению, уже позабыл. Позабыл по вине взрослых.

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика, трясущегося от слёз, которые всё ещё душили его.

— Ванюшка, — еле выдавил из себя малец.

— А меня зовут Иван Петрович. Мы с тобой тёзки, оказывается, — заулыбался новый знакомый. — Я журналист. Работаю в местной газете. Пойдёшь к нам работать? — предложил он мальчугану.

Тот поднял голову. Посмотрел в глаза Ивану Петровичу и, вытирая слёзы, а точнее, размазывая по впалым щекам грязь, дрожащим голосом произнёс:

— А вы не шутите?

— Что ты? Какие шутки? Всё серьёзно.

— Если серьёзно, то я согласен.

— Ну, всё. Завтра приходи. В восемь утра буду ждать тебя здесь. Вместе на работу и пойдём, — похлопал его по плечу Иван Петрович.

Ванюшка попытался улыбнуться, но у него ничего не получилось. Губы отчего-то скривились в непонятную ухмылку. Он верил и не верил словам Ивана Петровича. Мальчик так долго искал работу, что уже не надеялся, что у него что-то получится, и тут вдруг неожиданно работа нашлась. Это было из разряда чего-то невероятного.

— А теперь беги домой. Твои, наверное, уж заждались, — поправляя на мальчишке старенький картуз, произнёс мужчина.

— Ага. До завтра, — сорвался с места Ванюшка.

— погоди! А хлеб? Дома ведь все голодные, — притормозил его Иван Петрович.

Мальчуган остановился, но возвращаться не спешил. Хлеб. Тот самый, что он украл.

— Бери. Деньги заработаешь, занесёшь в булочную и отдашь. Извинишься за свой проступок. Если что, вместе сходим, — кивнул ему Иван Петрович. — И то верно. Заработаю и всё верну, — в глазах Ванюшки светилась радость. — Спасибо вам большое!

Он снова подошёл к лавочке. Спрятал хлеб за пазуху. Протянул руку новому знакомому. Мужчина взял его маленькую ладонь в свою и слегка пожал.

— До завтра, Иван! До завтра!